

О СУДЬБЕ ГОМЕРОВСКОГО СЛОВА ΘΕΟΠΡΟΠΟΣ

Е.В. Приходько

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; aristonica@list.ru*

Аннотация: Слово θεοπρόπος встречается от поэм Гомера до XV в. Согласно Ф. Бехтелю, второй компонент этого композита образован от πρέλω в его непереходном значении: θεοπρόπος — «тот, кто способен к восприятию того, что исходит от бога». Эту этимологию принимают авторы этимологических словарей. Но словарь Лидделла и Скотта констатирует у θεοπρόπος еще одно значение — «посол, отправляемый для вопрошения оракула». На основании словарей невозможно понять: как шло развитие семантики этого слова? Какое место занимало оно в системе мантической терминологии? Как складывалась его судьба в поздней античности и в византийское время? Рассмотрение этих вопросов — цель данной статьи, а отсутствие комплексного исследования развития семантики θεοπρόπος в его соотношении с другими мантическими терминами говорит об актуальности поставленной задачи. У Гомера θεοπρόπος было синонимом термина μάντις. Значение «посланник к оракулу» появилось у него в V в. до н. э., обеспечило ему место в системе мантической терминологии и позже присутствовало у античных и византийских писателей и в надписях. Параллельно с V в. до н. э. θεοπρόπος начинает использоваться как прилагательное со значением «несущий откровение бога». Гомеровское значение возрождается эллинистическими поэтами, появляется в прозе и расширяется: феопрпом называют Пифию, Аполлона и любых прорицателей. Также θεοπρόπος проникает в христианскую литературу, где обозначает библейских пророков и становится эпитетом Иисуса Христа. Полученные результаты позволяют поднять вопрос о пересмотре перевода надписи с заклятием из Ольвии.

Ключевые слова: θεοπρόπος; θεοπρόπῆς; Гомер; мантический термин; пророк; посол для вопрошения оракула; эпитет Аполлона

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-05-4

Для цитирования: Приходько Е.В. О судьбе гомеровского слова θεοπρόπος // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 5. С. 46–56.

ON THE FATE OF THE HOMERIC WORD ΘΕΟΠΡΟΠΟΣ

Elena V. Prikhodko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; aristonica@list.ru

Abstract: Θεοπρόπος was first recorded in Homer's poems and remained in the language until the 15th century. According to F. Bechtel, its second component is derived from πρέπω in its intransitive meaning, so θεοπρόπος is "one who is able to perceive what comes from a deity". This etymology is accepted by the authors of etymological dictionaries. However, Liddell and Scott's Lexicon states that it also had another meaning — "public messenger sent to inquire of an oracle". But all dictionaries don't make it possible to understand: how did the semantics of θεοπρόπος develop? what place did it occupy in the system of mantic terminology? what was its fate in late antiquity and in Byzantine time? So, these very points should be the aim of the paper. The fact that no comprehensive study of the semantic development of θεοπρόπος in its relationship with other mantic terms exists suggests the importance of this research. In Homer's poems θεοπρόπος was a synonym for the term μάντις. The meaning 'messenger to an oracle' appeared in the 5th century BC. It provided θεοπρόπος with its place in the system of mantic terminology and was preserved in the works of ancient and Byzantine writers, as well as in inscriptions. From the 5th century BC θεοπρόπος started to be used as an adjective, conveying the meaning 'bearing the revelation of a deity'. The Homeric meaning was revived by the Hellenistic poets, was used also in prose and expanded: Pythia, Apollo and any soothsayers were being called θεοπρόπος. Then θεοπρόπος penetrated into Christian literature and, like the term προφήτης, denoted biblical prophets and even became an epithet for Jesus Christ. The results of this study allow us to raise the issue of revising the translation of the inscription with a curse from Olbia.

Keywords: θεοπρόπος; θεοπροπέω; Homer; mantic term; prophet; messenger to an oracle; epithet of Apollo

For citation: Prikhodko E.V. (2023) On the Fate of the Homeric Word θεοπρόπος. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 46–56.

1. Введение

Древние эллины называли искусство прорицания ή μαντική τέχνη, то есть «мантическим ремеслом», уже самим этим названием показывая, что для них это искусство ничем не отличалось от десятков ремесел, обслуживавших жизнь античного общества. Как и для любого ремесла, для мантики была создана профессиональная система терминов. В этой системе от столетия к столетию одни термины сохраняли свое значение неизменным, другие менялись, разбухали и утрачивали свою первоначальную точность, третьи оставались в тени и потом, не дискредитированные сотрудничеством с языческими культами, были заимствованы христианской литературой. Среди этих сложных перипетий мантической терминологии весьма необычной оказалась судьба древнего и малоупотребительного, но сохранившегося вплоть до XV в. слова θεοπρόπος.

2. Толкования словарей, или Актуальность поставленной задачи

Будучи по происхождению прилагательным, θεολρότος чаще использовалось как субстантивированное существительное. Впервые оно появляется у Гомера, и схолиаст отмечает, что «это слово — гомеровское»¹ (Aesch. Pr. 659). Также у Гомера встречается еще и деноминативный глагол θεολροτέω. Но, прежде чем обратиться к тексту поэм, необходимо рассмотреть толкование значения этого слова византийскими грамматиками и авторами современных словарей. Этот обзор поможет нам выявить существующие в этом вопросе пробелы и подчеркнет актуальность данного исследования. При этом следует помнить, что временная дистанция между веками, когда творили античные авторы, и веками, когда к их сочинениям стали составлять толкования, лишила византийских грамматиков твердых оснований для высказываемых суждений. Будучи носителями того же языка, но значительно более позднего периода, комментаторы не могли засвидетельствовать точного значения слова θεολρότος, а лишь высказывали свои предположения, каким это значение должно было бы быть. Поэтому, считая обзор их интерпретаций необходимым для полноты данной работы, мы рассматриваем их труды не как надежный источник информации, а, скорее, как начальный этап изучения интересующего нас слова.

Гесихий приравнивал θεολρότος к двум основным мантическим терминам: «Феопробы — профеты, мантисы, объявляющие от бога» (Θ293). Аналогичное толкование предлагают патриарх Фотий (Lex. p. 84) и автор словаря «Суда» (Θ174): «Феопроб — мантис или профет бога». Также и Евстафий Солунский замечает: «Следует знать, что феопроб — это просто мантис» (Hom. Od. Vol. 1, p. 72). Существительное ὁ μάντις служило в древнегреческом языке основным мантическим термином. Первоначально оно обозначало боговдохновенного пророка, и именно с этим его значением авторы словарей сопоставляют значение θεολρότος; затем мантисом стали называть любого человека, занимавшегося прорицанием, вплоть до рыночного гадалея. Существительное ὁ προφήτης в сфере мантики функционировало преимущественно в паре с μάντις, указывая на вторую половину пророческого дара, как его представляли себе эллины: любой пророк как мантис получал божественное откровение и как профет возвещал его людям в доступной для понимания форме [Приходько 1999: 30–68, 120–138]. Поэтому толкование византийских грамматиков не просто подчеркивает синонимичность θεολρότος этим двум терминам, но и объясняет, почему θεολρότος не закрепилось как постоянный мантический термин — место, на которое

¹ Все переводы с древнегреческого сделаны автором.

оно могло бы претендовать, уже было занято более употребительными терминами.

В схолиях к Гомеру есть и более пространные объяснения пророческого дара феопрота: он — «пророчествующий по божественному замыслу» (II. XII 228) и «возвещающий откровения бога» (Od. I 416). Состав этого композита определили уже авторы византийских словарей — *Etymologicum Magnum* (p. 446) и *Etymologicum Gudianum* (p. 258) раскладывают его так: «От θεός и от πρέλω в значении “говорить”, объявляющий откровения бога». Принятую сейчас этимологию предложил в 1914 г. Ф. Бехтель. Он подверг сомнению точку зрения Л. Мейера о том, что второй компонент этого композита родственен древнеиндийскому *praśná-* («вопросение») и «феопрот» — это «вопрошающий бога», и предложил связать второй компонент с πρέλω в его непереходном значении, присутствующем в ряде контекстов у Эсхила, где πρέλω обозначает действие той вещи, которая «воспринималась через некое чувство» (Sept. 389; Ag. 321, 1311). На основании этого Бехтель перевел θεοπρόλος как «тот, кто делает себя способным к восприятию того, что исходит от бога» [Bechtel 1914: 162–164]. Мнение Бехтеля было поддержано авторами этимологических словарей [Frisk 1960: 662; Chantraine 1970: 429; Beekes 2010: 540]².

Но исконное значение не было у θεοπρόλος единственным. Словарь Лидделла и Скотта констатирует наличие у него еще одного значения — «общественный посланник, которого посылали для вопрошения оракула» [Liddell, Scott 1996: 791]. При этом из словарной статьи сложно понять: полностью ли вытеснило это новое значение гомеровское или исходное значение все же сохранилось? Если оно сохранилось, то как эти два значения сосуществовали? И, наконец, произошли ли какие-либо изменения в семантике θεοπρόλος в позднеантичной и византийской литературе? Казалось бы, ответ на последний вопрос мог бы предоставить словарь Лампе, но в нем указаны только два места из Нонна Панополитанского, а глагол θεοπρότεω вообще отсутствует [Lampe 1961: 632]. При такой ситуации задача комплексного рассмотрения развития семантики слова θεοπρόλος представляется весьма актуальной.

3. Θεοπρόλος в литературе и эпиграфике

По данным TLG, θεοπρόλος, если считать за отдельные случаи многочисленные цитаты из Гомера и не учитывать разные издания одного и того же текста, присутствует в 136 контекстах: от Гомера

² Отдельные ученые продолжают опираться на этимологию, возводящую второй компонент к *-pro-k^wos* (ср. лат. *reciprocus*): [Arena 2006].

до Михаила Кривоула (XV в.). Также θεοπρόλος неоднократно встречается в надписях из Греции и Малой Азии. Глагол θεοπρόλέω известен только в форме активного причастия презенса (19 случаев в литературе и как минимум два в эпиграфике). Для решения поставленной задачи нами было проанализировано значение слова θεοπρόλος в каждом из этих контекстов.

3.1. Θεοπρόλος и θεοπρόλέων в поэмах Гомера

В «Илиаде» феопротом, то есть «тем, кто воспринимает божественные откровения», Гомер называет прорицателя Калханта (XIII 70), и именно Калхант, «внимая богу» (θεοπρόλέων), объясняет ахейцам причину Аполлонова гнева и посланное Зевсом знамение: дракона, поглотившего восемь птенцов и воробьюху и потом превращенного в камень (I 109; II 322). Когда троянцы уже собирались перейти ров ахейцев, их остановило знамение: слева появился орел, державший в когтях еще живого змея; изогнувшись, змей ужалил орла в грудь возле шеи, и тот, бросив змея в середину войска, с криком улетел. Испуганный этим знамением Полидамант начал уговаривать Гектора отказаться от штурма ахейского лагеря, говоря, что «точно так же разъяснил бы и пророк (θεοπρόλος), который ясно духом ведает знамения, и ему бы народы повиновались» (XII 228–229). В «Одиссее» Галиферс толковал на собрании жителям Итаки знамение Зевса, «внимая богу» (θεοπρόλέων, II 184), и схолиаст объясняет: θεοπρόλέων — «возвещающий откровения богов» (ἐκ θεῶν μαυτεύόμενος). Пенелопа стремится услышать пророчество о возвращении Одиссея, «приглашая в дом ведающего божественные замыслы пророка (θεοπρόλον)» (I 416), — комментируя этот стих, схолиаст вновь пишет, что под «феопротом» следует понимать обычного мантиста.

3.2. «Посол, отправляемый для вопрошения оракула»

После Гомера θεοπρόλος на несколько столетий исчезает из употребления (по крайней мере, в письменных источниках) и снова появляется в V в. до н. э., но уже с другим значением. Единственный случай гомеровского использования встречается у Пиндара: «Прорицатель Мопс, воспринимающий откровения бога (θεοπρόλέων) с помощью птиц и священных жребиев, благосклонно повелел войску взойти на корабль» (Pyth. IV 190–191). Благодаря новому значению θεοπρόλος получило свое место в системе мантической терминологии и проникло в прозу и в эпиграфику. Теперь феопротом стали называть посла, выбранного либо назначенного городом для поездки в прорицалище: его задачей было обратиться от имени полиса к оракулу и привезти полученный ответ. Об этом значении

θεοπρόλος пишут и византийские грамматики, но, демонстрируя расплывчатость своих представлений, оценивают его правильность по-разному. Так, в схолиях к Софоклу сказано: «Θεοπρόλος — пророк, а в неправильном употреблении θεοπρόλος к тому же посол» (OR. 114). Автор комментария к Эсхилу не столь категоричен: «Θεοπρόλος — не только пророк, доставляющий, выносящий на обсуждение и возвещающий откровения богов, но и тот, кого посылают получить от богов изречения; такого также зовут посланником» (Pr. 659 Cod. Neapol. Smyth). Фома Магистр в «Изборнике аттических имен и глаголов» высказывает противоположное мнение, причем с явно ошибочным утверждением в конце: «Феопропами называли тех, кого из уважения посылали к оракулу, дабы они, как угодные богу и подходящие по присущей им нравственной чистоте, получили откровение. <...> И никто из древних пророка феопропом не называл» (p. 180).

Новое значение впервые появилось в поэтическом тексте. У Эсхила Ио рассказывает Прометею, как ее отец Инах «стал отправлять и в Пифо, и в Додону разумных послов, чтобы узнать, что делая или говоря, он совершит любезное богам» (Pr. 658–659). Затем активно использовал термин «феопрот» Геродот (19 контекстов). Так, Аллиат «послал послов в Дельфы», чтобы спросить о постигшей его болезни (I 19). Лакедемоняне, «отправив послов в Дельфы, спросили», кого из богов им следует умоливать для победы в войне с тегейцами, и Пифия велела им перенести в Спарту останки Ореста; не зная места погребения Ореста, лакедемоняне вновь обратились в Дельфы, и Пифия возвестила «спрашивающим об этом послам» новое изречение (I 67). В Спарте послов, которых посылали в Дельфы, называли пифиями (VI 57).

С конца V в. до н. э. термин θεοπρόλος появляется в надписях, причем только в новом значении. Датированная приблизительно 400 г. до н. э. надпись на обломанной мраморной стеле из Эрифры сообщает: «Поскольку... феопроты возвестили о статуе и храме Афродиты Пандемос, что к благополучию народа эрифрейцев [будет] воздвигнуть храм и изготовить статую, совет и народ постановили назначить пять мужей, которые будут иметь попечение о том, чтобы в соответствии с решением народа храм был построен и статуя изготовлена» (SEG 36: 1039, 2–9).

В последующие века θεοπρόλος продолжало использоваться в качестве термина для обозначения посла к оракулу. Его можно встретить у историков III в. до н. э. Мирсила Метимнейского (F. Gr. Hist. 477 F 9, 40) и Филостефана Киренского (FHG III 34 Fr. 37, 11, 14), у Дионисия Галикарнасского (I 24, 2; XII 10, 2; XII 12, 2) и Павсания (IX 38, 4), у Плутарха (Rom. 28, 6; Fab. 18, 3; Cim. 18, 7; 18. 8; Nic.

13, 2) и Ахилла Татия (VIII 11, 1), а также у Евсевия Кесарийского (PE. IV 16, 17), Константина Багрянородного (Vol. 2, p. 6 bis) и Евстафия Солунского (Hom. II. Vol. 3, p. 379). Плутарх, например, начинает рассказ об одном вопрошении оракула, закончившемся смертью Пифии, так: «Ведь когда прибыли послы (θεορῶτων) из дружественной страны, жертвенное животное, как говорят, после первого кропления водой осталось неподвижным и невозмутимым» (Mor. 428 a–b (Def. Or. 51)). Эпиграфический материал тоже свидетельствует о существовании в городах должности феопропа вплоть до IV в. В надписи из Милета (ок. 234/3 г. до н. э.), посвященной культу Артемиды Булефорос Скириды, сказано: «И что бы бог ни возвестил, путь феопропы сообщат это народному собранию, а народ, выслушав, пусть примет решение, дабы все было сделано в соответствии с советом бога. Феопропами были избраны Фидипп, сын Посейдония, Автомед, сын Эльпенора, Лампис, сын Лампита, Лих, сын Гермофанта» (Milet VI.3 1225, 4–10). В двух надписях из Беотии 2-й половины III в. до н. э. встречается причастие θεορῶντος, причем не с гомеровским значением, единственно возможным для глагола θεορῶν в литературе, а именно как термин для обозначения должности: «Беотийцы воздвигли треножник Харитам в соответствии с прорицанием Аполлона при архонте Самии, сыне Гисминикета, фиванце... при феопропе Энохиде, сыне Эвменида, орхоменце...» (IG VII 3207, 1–4, 17–18; ср. IG VII 1673, 5).

3.3. Прилагательное «несущий в себе божье откровение»

В том же V в. до н. э. в литературе возникает еще одно направление функционирования θεορῶτος. В «Трахинянках» Софокла хор поет о «вещем (θεορῶτος) слове древлереченного промысла» (822–823). То есть θεορῶτος начинает использоваться как прилагательное со значением «вещий», «несущий в себе божье откровение». В русле этого направления Квинт Смирнский писал о «вещем сердце» Кассандры (XII 534), Нонн Панополитанский — о «вещей птице» Эротов (Dion. III 120) и о «несущем пророчество слове» (Dion. XLI 368), Христордор Коптский — о «несущем откровение звуке» из уст пророка Полиида (AP. II 1, 42–43) и о «вещем дыхании» Мелампода (AP. II 1, 245), автор одной из христианских эпиграмм — о «вещем духе» Евдокии (AP. I 10, 5), а Мануил Фил — об «умах справедливых и вещих» (Car. V. 47, 1). Каллимах в гимне «На омовение Паллады» субстантивировал прилагательное θεορῶτος для обозначения пророчеств Тиресия: «Много откровений (θεορῶτα) возвестит он беотийцам, много Кадму и позже великим Лабдакидам» (125–126).

3.4. Возрождение и расширение гомеровского значения

Казалось бы, оформление *θεοπρόλος* как мантического термина должно было полностью вытеснить из языка гомеровское значение. Но его возродили александрийские поэты, и затем подхватили прозаики. Аполлоний Родосский дважды описывает действия прорицателя Мопса через причастие *θεοπρόλεω* (II 922; III 544). Каллимах в гимне «К острову Делосу» называет феопротом Олена (305) и этим расширяет семантику *θεοπρόλος*. Олен, поэт и пророк, живший за несколько поколений до Троянской войны, принадлежал тому времени, когда единое ведовское искусство еще не раскололось на мантику, поэзию, врачевание и очистительную магию и для обозначения такого древнего универсального дарования привычный термин «мантик» был слишком тесен, а к III в. до н. э. еще и слишком приземлен [Приходько 1999: 150–152]. Для полупоэтических и исторических личностей той эпохи обычно использовался термин «профет», но гомеровское *θεοπρόλος*, не запятнанное контактами с бытовой мантикой, тоже смогло дотянуться до этого значения. Позже это позволило Цельсу назвать феопротами тех избранных, кто стремится найти дорогу истины (Origen. Cels. 7, 42).

Почин Каллимаха был подхвачен авторами последующих веков, и наравне с традиционным использованием *θεοπρόλος* появились самые неожиданные его преломления. Вроде бы, Трифиодор во «Взятии Илиона» привычно назвал феопротом Калханта (172), Нонн Панополитанский — Идмона (Dion. XXXVIII 55) и Тиресия (Dion. XLIV 84), Христор Коптский — Кассандру³ (AP. II 1, 189), схолии к гимнам Каллимаха — Карна (II 71). Но незаметно у Гелиодора (Aeth. II 26, 4) и Михаила Пселла (Or. For. 1, 128) феопротом оказалась Пифия, которая всегда выступала как *πρόμαντις*, а в магических папирусах *θεοπρόλος* стало эпитетом Аполлона: «О Феб, спасающий откровениями, о Феб Аполлон, Летоид, Дальновержец, пророк ([θε]-οπρόλε), сюда давай, сюда, сюда давай, вещая, пророчествуй в ночную пору!» (PGM VI, 24–27). Филон Александрийский в трактате «О том, что худшее склонно нападать на лучшее» утверждал, что слово, передающее возникающие в разуме мысли, по сути является «профетом и возвестителем (*θεοπρόλος*)» того, о чем без усталости проро-

³ Следует заметить, что в недавно вышедшем русском переводе «Описания статуй в общественном гимнасии Зевксиппа» Христора Коптского допущена грубая ошибка. Описание статуи Кассандры начинается словами: *Κασάνδρην δ' ἐνόησα θεοπρόλον*, — что означает: «Я заметил пророчицу Кассандру». Но переводчики, проигнорировав значение слова *θεοπρόλος*, перевели так: «Кассандры же мысля оракул» (Болгов Н.Н., Сеница М.М. «Экфрасис» Христора Коптского // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2012. № 13 (132). Вып. 23. С. 25).

чувствует разум из незримых глубин своего храма (40). Но также возможность предстать феопропом получил любой прорицатель без оглядки на тип его пророческого дарования и даже на сам факт наличия у него этого дарования. Такие примеры есть у Цельса и Оригена (Cels. 7, 3; 7, 7), Евсевия Кесарийского (Vit. Const. II 4, 2), Агафия Миринейского (Hist. p. 169), Никиты Хониата (Hist. p. 372 van Dieten), Михаила Критувула (I 4, 4) и т. д.

3.5. У Филона Александрийского и в христианской литературе

Расширение сферы применения *θεοπρόλος* на этом не остановилось: оно проникло в богословскую литературу и, вслед за термином «профет», стало обозначать библейских пророков. Первым Филон Александрийский трижды назвал феопропом, то есть «получающим откровения Бога», Моисея (Ebr. 85; Conf. 29; Fuga 139). Затем Дидим Слепец в «Толковании на Книгу Пророка Захарии» представил феопропами пророка Елисея (III 273) и многих мужей, подобных Даниилу, Иезекиилю и Аггею (II 8). У Нонна Панополитанского *θεοπρόλος* стало эпитетом первосвященника Каиафы (Par. Joan. 11, 207), а у Генесия (I 6) и Иоанна Скилицы (Mich. 1, 4) — эпитетом монаха-отшельника из Филомилия, предсказавшего судьбу патрицию Варданию. В трагедии «Христос-Страстотерпец» — рукописи называют ее автором Григория Богослова — *θεοπρόλος* семь раз обозначает библейских пророков без конкретизации (83, 589, 735, 1599, 1688, 1729, 1761) и один раз пророка Иону (1401).

Подобно тому, как в языческом мире самой высокой вершиной, покоренной *θεοπρόλος*, явилось его включение в эпитеты Аполлона, так и в христианстве это слово смогло достичь максимально возможной высоты — стать эпитетом Иисуса Христа. У Нонна Панополитанского в «Парафразе Святого Евангелия от Иоанна» самаритянка называет Иисуса «вещающим от Бога мужем-пророком» (*θεοπρόλος ἄνδρα προφήτην*, 4, 139), и сам Иисус говорит: «Это, вещая от Бога (*θεοπρόλεω*), я приказываю благоразумным словом» (15, 67).

4. Заключение — результаты в действии

Таким образом, при семантическом развитии слова *θεοπρόλος* сформировалось три направления: «пророк», «посол к оракулу», «вещий». Эти направления возникли в разное время и сосуществовали в языке. При этом второе, терминологическое значение оставалось неизменным, а первое и третье со временем расширились, отражая изменения исторической действительности.

Знание принципов функционирования *θεοπρόλος* побуждает нас поднять вопрос о пересмотре перевода надписи на доньшке чернолаковой чаши из Ольвии (кон. V — нач. IV вв. до н. э.). Первое из-

дание этой надписи было подготовлено А.С. Русяевой, которая представила ее текст следующим образом: Φαρνάβαζ(σ)ος φιλόκαλος, πρόοδα τέθνηκας, ἤρεμέω, θεοπρότος Ἑρμοῦ, — и перевела: «Фарнабаз, любитель прекрасного (любящий красоту), я заранее знаю — ты мертв; я спокоен, предсказатель Гермеса» [Русяева 1979: 118]. В дальнейшем к этой надписи обращались многие ученые, и все имеющиеся интерпретации собрал вместе А.В. Белоусов, предложивший также свое прочтение: «Фарнабаз любитель красивого. Я знаю наперед, что ты уже мертв. Успокойся, вопрошатель оракула (ἤρεμε ὦ θεοπρότος) Гермеса!» [Белоусов 2020: 103–112, № 20]. Первая и третья часть надписи трактуются по-разному: обсуждаются падеж Φαρνάβαζος — номинатив или вокатив, форма глагола ἤρεμέω — 1-е лицо активного индикатива презенса или 2-е лицо активного императива презенса, падеж и значение θεοπρότος — номинатив или вокатив и «прорицатель» или «посланник к оракулу».

Однако исследователи не учли того факта, что θεοπρότος никогда не образовывало сочетания, использованного в надписи: нет ни одного контекста, где при нем стояло бы имя божества в родительном падеже: то есть не бывает конструкции типа «прорицатель Гермеса» или «вопрошатель Гермеса». В надписях из Северного Причерноморья θεοπρότος больше не встречается, и говорить об особом местном способе употребления оснований нет. Я бы предложила эпиграфистам обратиться к изначальному прочтению этой надписи. Надпись сделана маюскулом, и все ударения в варианте минускула были проставлены Русяевой. Древнегреческая литература и эпиграфика свидетельствуют о существовании уже с V в. до н. э. (SEG 38: 417) имени Феопроп: Θεόπροπος (с ударением на третьем слоге от конца). Это имя и имя Гермес зафиксированы в Северном Причерноморье [Fraser, Matthews 2005: 124–125, 166], и надпись ок. 440 г. до н. э. доказывает использование имени Феопроп именно в Ольвии (SEG 31: 701). Поэтому вариант интерпретации «Феопроп, сын Гермеса» тоже должен быть вынесен на обсуждение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоусов А.В. Корпус заклятий Понтийской Ольвии (DefOlb). Defixiones Olbiae Ponticae (DefOlb). М., 2020.
2. Приходько Е.В. Двойное сокровище. Искусство прорицания Древней Греции: мантика в терминах. М., 1999.
3. Русяева А.С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев, 1979.
4. Arena R. θεοπρότος / Θεοπρόκα // АСМЕ. 2006. LIX.III. Settembre–Dicembre. P. 279–280.
5. Bechtel F. Lexilogus zu Homer. Etymologie und Stammbildung homerischer Wörter. Halle, 1914.
6. Beekes R. Etymological Dictionary of Greek / With the assistance of L. van Beek. Vol. 1. Leiden; Boston, 2010.

7. Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. T. II. E – K. Paris, 1970.
8. Fraser P.M., Matthews E. (ed.). A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. IV. Macedonia, Thrace, Northern Regions of the Black Sea. Oxford, 2005.
9. Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. A – Ko. Heidelberg, 1960.
10. Lampe G.W.H. A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1961.
11. Liddell H.G., Scott B. A Greek-English Lexicon / Revised and augmented throughout by H.S. Jones with the assistance of R. McKenzie. 9th ed. Oxford, 1996.

REFERENCES

1. Belousov A.V. *Korpus zaklyatii Pontiiskoi Ol'vii (DefOlb). Defixiones Olbiae Ponticae (DefOlb)* [Corpus of curses of Pontic Olbia (DefOlb)]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2020. 160 p. (In Russ.)
2. Prikhodko E.V. *Dvoinoe sokrovishche. Iskusstvo proritsaniya Drevnei Gretsii: mantika v terminakh* [Twofold Treasure. The Art of Divination of Ancient Greece: Mantic in Terms]. Moscow, Progress–Traditsiya, 1999. 592 p. (In Russ.)
3. Rusaeva A.S. *Zemledel'cheskie kul'ty v Ol'vii dogetsogo vremeni* [Agricultural cults in Olbia in pre-Getic times]. Kyiv, Naukova dumka, 1979. 172 p. (In Russ.)
4. Arena R. θεοπρόπος / Θεοπρόκα. *ACME*, 2006, LIX.III, Settembre–Dicembre, pp. 279–280.
5. Bechtel F. *Lexilogus zu Homer. Etymologie und Stammbildung homerischer Wörter*. Halle, Max Niemeyer, 1914. 342 S.
6. Beekes R. *Etymological Dictionary of Greek* / With the assistance of L. van Beek. Vol. 1. Leiden, Boston, Brill, 2010. 1808 p.
7. Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots*. T. II. E – K. Paris, Éditions Klincksieck, 1970. 302 p.
8. Fraser P.M., Matthews E. (ed.). *A Lexicon of Greek Personal Names*. Vol. IV. Macedonia, Thrace, Northern Regions of the Black Sea. Oxford: Clarendon Press, 2005. 387 p.
9. Frisk H. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I. A – Ko. Heidelberg, Carl Winter, Universitätsverlag, 1960. 938 S.
10. Lampe G.W.H. *A Patristic Greek Lexicon*. Oxford, At the Clarendon Press, 1961. 1568 p.
11. Liddell H.G., Scott B. *A Greek-English Lexicon* / Revised and augmented throughout by H.S. Jones with the assistance of R. McKenzie. 9th ed. Oxford, Clarendon press, 1996. 2042 p.

Поступила в редакцию 21.03.2023

Принята к публикации 29.08.2023

Отредактирована 15.09.2023

Received 21.03.2023

Accepted 29.08.2023

Revised 15.09.2023

ОБ АВТОРЕ

Приходько Елена Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры древних языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; aristonica@list.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elena Prikhodko — Ph. D., Associate Professor, Department of Classical Languages, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; aristonica@list.ru